

Уголовно-правовое регулирование ответственности за самоубийство в российском уголовном законодательстве: прошлое и настоящее

***Аннотация.** Самоубийство — сознательное прекращение человеком своей жизни. В конце XX — начале XXI в. Российская Федерация столкнулась с чрезвычайным ростом числа самоубийств.*

Жизнь человека — важнейшее, бесценное благо, непреходящая общечеловеческая ценность, утрата которой необратима и невозполнима. Это высшая социальная ценность, охраняемая законом. Конституция России в ст. 20 провозглашает: «Каждый имеет право на жизнь». Это право естественно и неотъемлемо, оно сохраняет свое значение вплоть до смерти человека. Однако из наличия у человека конституционного права на жизнь совершенно не следует наличие у него такого права и на смерть. Российская Конституция подобного его права не признает. Самоубийство осуждается социумом, религией и государством. В аспекте этого актуальной является проблема его наказуемости, особенно уголовной, отношение к которой в России исторически было изменчивым.

В статье рассматривается развитие российского уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за самоубийство. Подвергаются детальному разбору нормы, устанавливавшие ответственность за это деяние в разные исторические периоды.

Определено, что в России существует столетняя традиция не криминализовать самоубийство, и делается вывод о целесообразности следования ей и в дальнейшем.

Ключевые слова: самоубийство, покушение на самоубийство, уголовное законодательство, история, криминализация, декриминализация.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.108.11.081-095

© Хатуев В. Б., 2019

* Хатуев Ваха Бухадывович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Чеченского государственного университета
364031, Россия, г. Грозный, ул. Киевская, д. 33
dogma1982dogma@mail.ru

Самоубийство — «намеренное лишение себя жизни»¹. Это чрезвычайный, трагический акт в жизни человека, при котором травмирующие психику обстоятельства по своей силе превосходят самый сильный человеческий инстинкт — инстинкт самосохранения².

Самолишение жизни невменяемым, а также случайно или по неосторожности не могут быть отнесены к самоубийству.

Проблема самоубийства стала актуальной еще много веков назад. Скорее всего, самоубийство — ровесник человечества.

В настоящее время самоубийство в России обрело масштабы национального бедствия. В стране с 1990 г. по 2018 г. за 29 лет покончили жизнь самоубийством 1 239 248 человек³.

Между тем такую ситуацию с этим явлением нельзя признать характерной для России. Считается, что до революции в ней число самоубийств было относительно невысоко. К концу XIX — началу XX в. по уровню самоубийств среди 15 стран Европы, а также США и Японии она занимала предпоследнее место, несколько превосходя Испанию и 8—10 раз уступая занимавшим первое место Дании и Швейцарии⁴.

К сожалению, можно сказать, что сейчас стало явью такое мрачное предсказание Ф. М. Достоевского: «Самоубийцы явятся толпами, а не так, как теперь, по углам»⁵.

Российское уголовное законодательство в своем историческом развитии характеризуется

неоднозначным отношением к самоубийству, в разные периоды различно решая вопросы его криминализации или декриминализации, мер ответственности за него в зависимости от происходящих в стране политических, экономических и социальных изменений, господствующих воззрений. «Как и при других видах лишения жизни, встречаемся мы и здесь с таким преступлением, которого исторические судьбы представляют много интересного и служат, между прочим, любопытным подтверждением того, что история права уголовного не знает деяний абсолютно преступных, *malum in se*, что не только степень ответственности, но иногда даже сама запрещенность и незапрещенность известного факта зависит от взглядов данной эпохи»⁶, — указывал Н. С. Таганцев.

В России продолжительное время, вплоть до преобразований Петра I, наказуемость самоубийства была предусмотрена исключительно в церковных законах и подобные дела рассматривались не в светских судах, а духовных⁷.

В пору язычества в Древней Руси переживание женами своих мужей считалось бесчестием семьи, а потому практиковалось самосожжение вдов вместе с покойными мужьями. По заверению Н. М. Карамзина, «славянки не хотели переживать мужей и добровольно сжигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964. С. 687.

² См.: Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов. М., 2005. С. 464.

³ Этот показатель получен путем сложения данных о количестве самоубийств по годам за указанный период (см.: Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за год // Росстат. Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBlnet.cgi?pl=2415004> ; Смертность населения по основным классам и отдельным причинам смерти. Sheet 12: ТАБ_8 // Федеральная служба Государственной статистики РФ. Естественное движение населения РФ за 2017 г. (Статистический бюллетень). М., 2018. С. 20 ; Смертность населения по основным классам и отдельным причинам смерти. Sheet 12: ТАБ_8 // Федеральная служба Государственной статистики РФ. Естественное движение населения РФ за 2018 г. (Статистический бюллетень). М., 2019. С. 20.

⁴ См.: Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 192, 204.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. Январь — апрель // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 34.

⁶ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву : в 2 т. СПб., 1871. Т. 2. С. 402.

учением христианской веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств...»⁸.

После введения в 988 г. князем киевским Владимиром христианства на Руси, когда «скоро знамения веры христианской, принятой государем... и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ»⁹, самоубийство приравнивалось православием к убийству, и по церковным законам совершивший его лишался погребения по христианскому канону, если только «сие им не соделано, будучи вне ума».

Такая официальная позиция православной церкви по отношению к самоубийству корнями восходила к правилам, высказанным в канонических ответах св. Тимофея Александрийского, участника II Вселенского собора в Константинополе (381 г.), обретшим каноническую силу — статус церковного законодательства, будучи утвержденными VI Вселенским собором (680—681 гг.). Канон 14: «Вопрос: “Аще кто, будучи вне себя, подымет на себя руки или повержет себя с высоты: за такового должно ли быта приношение или нет?” Ответ: “О таком священнослужителе должен рассудити, подлинно ли, будучи вне ума, соделал сие”»¹⁰.

Это правило, как отмечал Н. С. Таганцев¹¹, перешло в Иосифскую кормчую книгу (1650 г.),

а затем дошло и до действовавшего в русской церкви в 1870 г. требника, где между нужнейшими из Номоканона — одного из «практических источников русского канонического права»¹² правилами, помещено под ст. 178: «Аще убьет сам себе человек, ни поют над ним, ниже поминают его, разве аще бяше изумлен сиречь, вне ума своего, по 14 ответу Тимофея Александрийского»¹³.

В грамоте митрополита Фотия к псковскому духовенству (1417 г.) указывалось: «А что ми, сынове, пишете:... А который от своих рук погубится, удавится или ножом избодется, или в воду себя ввержет: ино, по святым правилом, тех не велено у церковей хоронити, ни над ними пети, ни поминати, но в пуге месте, в яму вложив, закопати; створить же о душах их Господь, якоже сам весть, по своим неизреченным судьбам, заньже святии Отци именуют тех самовольною жертвою, даема не Богу»¹⁴. А «в заказной памяти 1658 г. соборному протопопу понятие самоубийства достигло обширных размеров, так что с человеком, намеренно лишившим себя жизни, сравнивается и тот, кто случайно причинит себе смерть, опившись вина: всех таких людей запрещено погребать у церковей, а велено отсылать в убогий дом. Обязанность разыскивать причины скоропостижной смерти возложена была на священников»¹⁵. Причем к самоубийцам церковь относилась строже,

⁷ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 407.

⁸ Карамзин Н. М. История государства российского : в 4 т. М., 2014. Т. 1 (I—III) : От древних славян до начала монгольского нашествия. С. 111.

⁹ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 133.

¹⁰ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 408 ; Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 68.

¹¹ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 408—409.

¹² Введение // Павлов А. Номоканон при Большом требнике, изданный вместе с греческими подлинниками, до сих пор неизвестными, и с объяснениями издателя. Одесса, 1872. С. 3.

¹³ Павлов А. Указ. соч. С. 156.

¹⁴ Грамота митрополита Фотия от 1417 г. сентября 23 псковскому духовенству с решениями по некоторым вопросам церковной дисциплины // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1880. Т. 6 : Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 : (памятники XI—XV вв.). С. 379. URL: <http://www.runivers.ru>.

Это положение с сокращением приводится и А. Чебышевым-Дмитриевым (см.: Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Сочинения. Казань, 1862. С. 230—231).

¹⁵ Чебышев-Дмитриев А. Указ. соч. 231.

чем к преступникам. В Инструкции старостам поповским или благочинным смотрителям от патриарха московского Адриана 1697 г. закреплялось: «А который человек... какую смерть сам над собою, своими руками учинить...: тех умерших тел у церкви Божии не погребать и над ними отпевать не велет, а велет их класть в лесу или на поле, кроме кладбища и убогих домов» (ст. 21), тогда как разбойника и вора, приговоренного к смертной казни, надо было исповедовать и причащать, а как он умрет, предписывалось «положить без отпевания в городе, в убогом доме, где такие же воры и разбойники кладутся» (ст. 22, 23)¹⁶.

Освобождение от монголо-татарского ига и создание Русского централизованного государства «не могло не отразиться на развитии всех отраслей права. Уголовное право в данный период претерпело существенные изменения, отражая обострение противоречий феодального общества и усиление классовой борьбы»¹⁷. Это вызвало необходимость создания унифицированного светского законодательства, осуществляющего нормативно-правовое регулирование новых общественных отношений без непосредственного употребления религиозных норм, но в соответствии с ними. Как замечает А. И. Бойко, «религия давно благословила светские власти на управление и на покорение тел преступников, оставив себе в удел лишь души грешников.

Разумеется, основной предмет внимания священнослужителя — падшие люди, грешники, преступники»¹⁸.

«Запись о душегубстве» (1456—1462 гг.)¹⁹ — нормативно-правовой документ, учреждавший господствующее положение Москвы как центра формирующегося государства²⁰. В нем, заключающем в себя в основном нормы процессуального права, устанавливающие главным образом судопроизводство по убийствам («душегубству»), была предпринята законодательная оценка самоубийства. Документ приравнивал последнее к убийству, понимая под душегубством, наряду с убийством, и его. Так, в ст. 1 «перечисляются территории, на которые распространялась судебная власть московского наместника по важнейшим уголовным делам — делам о душегубстве. Под душегубством в рассматриваемое время понималось не только убийство, но и самоубийство (от своих рук утрачивается), а также внезапная (без покаяния в грехах) смерть в результате несчастного случая»²¹. Думается, можно сказать, что законодательное оформление в России самоубийства наметилось с появлением этого документа.

В XV—XVII вв. действовал ряд нормативных правовых актов, отразивших развитие законодательства российского централизованного государства, в которых формируется система норм о преступлениях против жизни. Судебник

¹⁶ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 407—408; Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1888. С. 127.

¹⁷ Введение // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. С. 27.

¹⁸ Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. М., 2010. С. 66.

¹⁹ «Запись о душегубстве» // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 187—189.

²⁰ Введение. «Запись о душегубстве» // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 187.

²¹ «Запись о душегубстве». Комментарий // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 189.

Той позиции, что Запись понимала под душегубством как убийство, так и самоубийство, придерживаются и другие авторы (см.: Бояров С. А. Теория и практика «простого убийства»: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 22; Байков В. А. Квалифицированные виды убийств: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10; Кабурнеев Э. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. URL: <http://www.dslib.net>; Лунева А. В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. URL: <http://www.vnii-mvd.ru/files/ЛуневаА.В.pdf>).

1497 г.²² — крупный памятник русского феодального права, соединяющий «местные законы в один общий»²³, первый «письменный кодекс, обнародованный для всей России от имени верховной власти, кодекс в высшей степени примечательный как памятник, основанный на прочном утверждении самодержавия в нашем обществе, как краеугольный камень всего последующего развития письменного законодательства»²⁴.

Первый в истории России законодательный акт, признанный единым источником права — Судебник Ивана IV 1550 г.²⁵, — документ, вошедший как «звено, необходимое для уразумения истории русского законодательства»²⁶.

Судебник 1589 г.²⁷ — законодательный свод царя Федора Иоанновича. Он представляет собой памятник права, регламентирующий вопросы организации судопроизводства среди населения черносошного Севера. В нем содержатся сведения о земельных отношениях на Севере Русского государства (так называемого Поморья) и также богатый материал по судоустройству и судебному процессу конца XVI в.²⁸ Данный документ в соответствии с его ст. 200 вводился во всеобщее употребление изданием царем особого указа. Однако он не был введен в действие²⁹.

Так называемый Сводный судебник 1606 или 1607 г.³⁰ — правовой памятник, представляю-

щий собой «опыт кодификации русского права в одном из центральных правительственных учреждений»³¹. В нем сведено воедино русское законодательство второй половины XVI— начала XVII в., более усовершенствована юридическая техника систематизации норм права. Особое внимание уделяется нормам уголовного права, развивая закрепленный в Судебнике 1550 г. принцип устрашения. Как и Судебник 1589 г., окончательного утверждения он не получил³².

Заключительным этапом становления единого российского законодательства стало Соборное уложение 1649 г. — первый в истории России систематизированный закон³³ и «первый из русских законов, напечатанный тотчас по утверждению его»³⁴. Это наиболее значительный источник древнерусского периода уголовного законодательства.

Однако в перечисленных документах не имелось никаких положений, прямо закрепляющих ответственность за лишение себя жизни.

В названных судебныхниках употреблялось понятие «душегубство» («душегубец») (соответственно — ст. 7, 8, 39; ст. 12, 59, 60; ст. 17; 2.12, 8.59, 8.60, 10.71). Но ни в текстах, ни в комментариях к ним не сказано, что оно охватывает и самоубийство; последнее вообще и не упоминается³⁵.

Соборное уложение отличало в зависимости от формы вины «убийство неумышленное, бес-

²² Судебник 1497 г. // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 54—62.

²³ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1888. С. 200.

²⁴ *Качалов Н. В.* О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, изд. П. Редькиным. М., 1841. Т. 1. С. 52, 55.

²⁵ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 97—128.

²⁶ *Качалов Н. В.* Указ. соч. С. 48.

²⁷ Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. (по списку собрания Ф. Ф. Мазурина). М., 1900. URL: <http://www.bookre.org>; Судебник 1589 г. // Памятники русского права. Вып. 4 : Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 413—443.

²⁸ См.: Введение. Судебник 1589 г. // Памятники русского права. С. 409, 410.

²⁹ См.: *Богоявленский С. К.* Предисловие // Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. С. XXII.

³⁰ Сводный судебник // Памятники русского права. С. 482—542.

³¹ Введение. Сводный судебник // Памятники русского права. С. 479.

³² См.: Введение. Сводный судебник // Памятники русского права. С. 479, 480, 481.

³³ См.: Введение. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X—XX веков. Т. 3 : Акты земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. С. 76.

³⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. соч. С. 208.

³⁵ См.: Комментарии к Судебникам 1497 и 1550 гг. // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 67—68, 68—69, 82, 134, 148—149; Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. С. III—XXIV, XXV—XXXVIII; Судебник 1589 г. Историко-правовой обзор // Памятники русского права. С. 446.

хитростное, от умышленного»³⁶. Кроме «известных ранее умышленных и неумышленных действий, Уложение подразделяет их на хитростные и бесхитростные. Под хитростным понималось виновное убийство, а под бесхитростным — случайное. Убийство бесхитростное наказанию не подлежало (ст. 18, 20).

Однако точной границы между неосторожностью и случайностью в тот период не проводится»³⁷.

Отдельные авторы полагают, что устранение Соборным уложением наказуемости случайного (невиновного) причинения смерти «отменяло положение, предусмотренное “Записью о душегубстве”, относившее любое лишение жизни человека к преступлениям»³⁸, «привело к изъятию из понятия уголовно наказуемого душегубства таких его разновидностей, как самоубийство и внезапная смерть от несчастного случая без покаяния в грехах»³⁹.

Тем не менее представляется, что это обстоятельство не следует толковать расширительно, оно подлежит ограничительному интерпретированию — Уложение отменяло уголовную наказуемость случайного убийства, и только. В нем термины «душегубство» (в отличие от упомянутых судебныхников) и «самоубийство» вообще не употреблялись. В его гл. 22 (26 статей), посвященной преступлениям против личности, где преимущественно говорится об убийстве, используется понятие «смертное убийство» и под ним самоубийство не понимается⁴⁰.

Поэтому видится правильным полагать, что Соборное уложение не изъяло из понятия уголовно наказуемого по «Записи» душегубства его разновидности — самоубийства, а оно не криминализовало самоубийство.

В противоположность западноевропейским государствам, в которых наметилась тенденция к постепенному изъятию наказуемости самоубийства из законодательства, Россия ужесточила ее.

В первый раз светское уголовное наказание за самоубийство и покушение на него на Руси зародилось лишь во времена правления Петра I. Оно содержалось в его первом кодексе — Артикуле воинском от 26 апреля 1715 г.⁴¹ Н. С. Таганцев об этом писал: «В области посягательств частных в первый раз являются светские взыскания за самоубийство, как оконченное, так и неоконченное»⁴². В названном Артикуле была сосредоточена особая глава 19 — «О смертном убийстве», по которой наказуемым признавалось самоубийство, а также попытка его совершения. В артикуле 164 устанавливалось: «Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу». А толкование к нему гласило: «А ежели кто учинил в беспамятстве, болезни, в меланхолии, то оное тело в особливом, но не в бесчестном месте похоронить. И того ради должно, что пока такой самоубийца погребен будет, чтоб судьи наперед о обстоятельстве и притчинах подлинно уведомились,

В теории также в числе преступлений против жизни по Судебнику 1497 г. не указывается самоубийство (см.: Авдеев В. А., Авдеева Е. В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права // *Lex russica*. 2018. № 10. С. 160).

³⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 168.

³⁷ См.: Соборное уложение. Комментарий // Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. С. 435.

³⁸ Актуальные проблемы уголовного права : учебник для магистров / отв. ред. И. А. Подройкина. М., 2015. URL: <http://www.litgid.com> ; Кабурнеев Э. В. Развитие законодательства об ответственности за убийство // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 100 ; Он же. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России.

³⁹ Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 2 : Преступления против личности. С. 133.

⁴⁰ См.: Соборное уложение. Комментарий // Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. С. 432—436.

⁴¹ Воинский артикул 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X—XX веков. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. С. 327—365.

⁴² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 175. См. также: Он же. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 409.

и чрез приговор определили б, каким образом его погребсти.

Ежели салдат пойман будет в самом деле, что хотел себя сам убить, и в том ему помешали, и того исполнить не мог, а учинит то от мучения и досады, чтоб более не жить, или в безпамятстве и за стыдом, оный по мнению учителей прав с безчестием от полку отогнан быть имеет. А ежели ж кроме вышепомянутых притчин сие учинил, онаго казнить смертию».

Наименование главы, где размещается разбираемый артикул, удостоверяет, что самоубийство приравнивалось к убийству.

Общими судами этот уголовно-правовой документ применялся до издания Свода законов Российской империи 1832 г.

Другой значимый законодательный акт Петра I, повторивший постановления Воинского устава⁴³ (а равно и входившего в его структуру Артикула воинского), но только в несколько измененном виде⁴⁴, — Морской устав 13 января 1720 г.⁴⁵ Данный акт также приравнивал самоубийство к убийству. Он ужесточил ответственность за самоубийство и в этом отношении шел, по словам Н. С. Таганцева, «еще далее»⁴⁶. В статье 117 «Кто сам себя убьет» Устава (гл. XV «О смертном убийстве») говорилось: «Кто захочет сам себя убить и его в том застанут: того повесить на райне; а ежели кто сам себя уже убьет, тот и мертвой за ноги повешен быти имеет».

Однако наряду с этим, в отличие от Воинского артикула, он расширил перечень условий, исключаящих ответственность за покушение

на свою жизнь и самоубийство. Норма, содержащая положение об этих обстоятельствах, определена в толковании к рассматриваемой ст. 117 Устава. В данном истолковании заявлено: «Ежели сие убийство намерено было, или учинено от какого себе мучения, или несносной налоги, или себя в безпамятстве как то случится, в огневых и в меланхолических болезнях: то те, которые в том найдутся, вышеписанным казням не подлежат».

Воинский и Морской уставы, хотя по назначению своему и относились до людей военных, однако специальным Указом от 10 апреля 1716 г.⁴⁷ были распространены и на гражданское население, причем Воинский устав не отменял Соборного уложения, а должен был применяться наряду с ним⁴⁸. Вместе с тем указание об отогнании от полка лиц, пытавшихся совершить самоубийство, все-таки «по общему правилу должно было быть заменено соответствующим наказанием, исключением из службы и т.п.»⁴⁹

Установление уголовной наказуемости самоубийства в России в этот период было обусловлено процессом сближения канонического и светского права и внедрением Петром I в свои законодательные акты положений немецкого законодательства, основанного на римском праве. «Таким образом, — отмечал Н. С. Таганцев, — путем саксонской практики перешли к нам постановления римского права о наказуемости самоубийства между солдатами»⁵⁰.

Данные положения петровского законодательства действовали в течение 120 лет. Они

⁴³ Устав воинский. 30 марта 1716 г. // Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М., 1997. С. 155—231.

⁴⁴ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 176.

⁴⁵ Устав морской. 13 января 1720 г. // Законодательство Петра I. С. 232—384.

⁴⁶ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 409—410.

⁴⁷ Указ Петра I Сенату от 10 апреля 1716 г. о напечатании Устава воинского и рассылке печатных экземпляров по военным корпусам, а также, ввиду распространения его действия на гражданские власти, по губерниям и канцеляриям // Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I : Акты о высших государственных установлениях : Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1 / под ред. Б. И. Сыромятникова. М., Л., 1945. С. 52.

⁴⁸ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 174 ; Он же. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 410.

⁴⁹ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 410.

⁵⁰ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 410.

«продержались, по крайней мере в законе, и во все позднейшие царствования; даже философия XVIII в., так резко восставшая против наказуемости самоубийства, не произвела в этом отношении никакого заметного влияния на наше право»⁵¹.

Старания модернизировать уголовное законодательство России осуществлялись непрерывно. Несколько подобных тщетных усилий, итогом своим имеющих только законопроект, были предприняты во второй половине XVIII и в начале XIX столетия. А вот что же до самоубийства, то исходя из сформировавшегося в тот период воззрения на него наказуемость его предусматривали все предлагаемые такие проекты. Только она была не столь суровая. В частности, в период правления Елизаветы I в марте 1754 г. для составления нового Уложения была учреждена законодательная комиссия, продолжавшая свое существование и в начале царствования Екатерины II до 1767 г.⁵² Ею были выработаны два проекта Уголовного уложения, которое так и не стало действующим. Так, по проекту 1754 г. предусматривалось заменить смертную казнь телесным наказанием (наказанием плетьюми) или двухмесячным тюремным заключением тем, кто пытался лишить себя жизни со злобы, досады или по другой причине, а в случае же покушения на самоубийство вследствие мучения, досады или беспамьятства назначить не наказание, а лечение⁵³.

Проект же 1766 г. проявлял бóльшую лояльность к самоубийцам и покушавшимся на самоубийство. По нему надлежало «мертвое

тело первых при церквах по чину церковного положения не погребать, а отвезть в убогий дом, а вторых, если они в классах состоят, понижать одним чином впредь до выслуги; дворян не служащих и первой гильдии купцов подвергать церковному покаянию на полгода»⁵⁴.

Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 г.⁵⁵, в котором впервые в истории российского уголовного законодательства появляется раздел так называемых Общих положений (111 статей)⁵⁶ (Общая часть), предусматривал следующие законоположения: § 392 — «Кто, вознамерясь лишить себя жизни, не довершил сего предприятия или был в том воспрепятствован, такового, как помешавшегося в разуме, по излечении в больнице, предавать церковному покаянию»; § 393 — «В рассуждении тела самоубийцы надлежит поступать по церковным правилам и полицейским постановлениям».

Однако данный либеральный проект также не был принят и указанные положения, передававшие душу и тело самоубийцы в ведение медицины и церкви, не стали законом в России⁵⁷.

Феноменальное достижение русской правовой мысли первой половины XIX в. — Свод законов Российской империи в 15 томах⁵⁸, впервые изданный в 1832 г., вступивший в действие с 1 января 1835 г. и с этого момента ставший единственным непосредственным источником российского права⁵⁹. Российское уголовное законодательство в нем было отнесено в последний, XV том — Свод законов уголовных.

В Свод законов уголовных⁶⁰, в гл. 2 «О смертоубийстве» раздела VI «О преступлениях против

⁵¹ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 410.

⁵² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 173—174.

⁵³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 310—311; Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни // Кони А. Ф. Избранные труды и речи. Тула, 2000. URL: <http://www.lib.rus.es>.

⁵⁴ Кони А. Ф. Указ. соч.

⁵⁵ Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 г. // А. Г. Безверхов, В. С. Коростелёв. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.

⁵⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 184.

⁵⁷ См.: Паперно И. Указ. соч. С. 74.

⁵⁸ Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный: в 15 т. СПб., 1832; Свод законов Российской империи: в 16 т. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 187.

⁶⁰ Свод законов уголовных // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 15: Законы уголовные. Кн. 1 «О преступлениях и наказаниях вообще». СПб., 1833.

безопасности жизни и против прав общественного состояния лиц» книги 1 «О преступлениях и наказаниях вообще» было внедрено отделение 4 «О самоубийстве», в котором содержались нормы (ст. 347, 348), устанавливающие ответственность за причинение смерти самому себе или попытку сделать это. Данный документ позаимствовал их из петровского Воинского артикула, но при этом изъял положение о поругании тела самоубийцы. Согласно ему, самоубийство оконченное каралось исключительно лишением христианского погребения, и то только в случае недоказанности, что самоубийца совершил это в состоянии невменяемости. Это положение было сосредоточено в ст. 347: «Самоубийца лишается христианского погребения, если доказано будет, что он лишил себя жизни не в безумии и не в беспамятстве». Иные уголовно-правовые последствия оно не влекло⁶¹.

Введение законодателем этого наказания объяснялось А. В. Лохвицким следующим образом: «Так как погибших от самоубийства нельзя было подвергать обыкновенным наказаниям, и это именно такое преступление, против которого бессильны обыкновенные наказания, потому что оно имеет целью лишение себя жизни, то придуманы были такого рода особенные наказания, мысль о которых еще при жизни должна была терзать решившегося на самоубийство, именно — лишение христианского погребения. Для людей с религиозным чувством мысль, что они будут лежать не на кладбище, среди своих родных, а будут зарыты вместе с падалью, что их безвестная могила не будет предметом культа для их детей и родственников, составляет тяжкое страдание»⁶².

Сохранение в российском законодательстве церковных наказаний было обусловлено «зна-

чением национальной церкви православной, ее характером политическим, ее тесным союзом и подчинением государству, которому она должна была содействовать в деле правосудия своим влиянием нравственным на преступников, внушая им раскаяние и располагая их к исправлению»⁶³.

Ответственность за покушение на самоубийство Свод оставил почти без трансформации: посягнувшего на свою жизнь во вменяемом состоянии надлежало наказать как смертоубийцу и подобало сослать в каторжные работы. При этом наказуемо это действие было, только если самоубийству помешали внешние обстоятельства. Он закреплял (ст. 348): «Кто на самом деле изобличен в намерении лишить себя жизни и в том воспрепятствован был токмо внешним обстоятельством: того наказывать, если сие намерение было предпринято не от мучения, несносной налоги, досады, стыда или в беспамятстве огневых и меланхолических болезней, как за покушение к смертоубийству».

Если же пытавшийся лишить себя жизни сам добровольно отказался доводить до конца это свое намерение, то покушение никакому наказанию не подвергалось⁶⁴.

Составители проекта Уложения 1843 г. заменили для покушавшегося каторжные работы тюрьмой сроком от 6 месяцев до 1 года, предоставили духовному начальству самому в каждом случае решать, следует ли самоубийцу лишать христианского погребения, постановив о безусловном церковном покаянии покушавшегося как «о возможном случае для его вразумления, а может быть и для утешения святым учением религии»⁶⁵.

Устав медицинской полиции Свода законов Российской империи⁶⁶ включал ст. 923 (разд. II

⁶¹ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 410—411; Кони А. Ф. Указ. соч.; Паперно И. Указ. соч. С. 74.

⁶² Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 545.

⁶³ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. Вып. 1. С. 391.

⁶⁴ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 411; Кони А. Ф. Указ. соч.

⁶⁵ См.: Кони А. Ф. Указ. соч.

⁶⁶ Устав медицинской полиции // Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части. Кн. 2 // Свод законов Российской империи. Т. 13: Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб., 1857. URL: <http://www.runivers.ru>.

«О общих мерах к охранению здравия народного», гл. 5 «Полицейские правила о погребении мертвых», отд. 2 «О погребении»), предусматривавшую, что тело умышленного (сознательного) самоубийцы подбавляет палачу в бесчестное место направить и там закопать⁶⁷.

Что же понимать под бесчестными местами, закон не указывал; тем не менее было очевидно, что нельзя разумеать под ними места для сваливания мусора, падали или других нечистот; выражение «бесчестное» означало просто не на кладбище; поэтому для похорон самоубийц должны были быть отведены особые места⁶⁸.

При всем том обсуждаемый Свод законов уголовных был несовершенно — он страдал сравнительно невысокой законодательной техникой и казуистичностью. И ввиду этого вскоре после его утверждения началась работа над новым проектом уголовного законодательства.

Уложение «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.⁶⁹ — первый уголовный кодекс Российской империи, крупнейший кодифицированный нормативный акт, содержащий нормы уголовного права. Настоящее Уложение, следуя прежде функционировавшему положению о наказуемости самоубийства и покушения на это, в первую очередь возвело это деяние в статус самостоятельной разновидности преступлений против жизни, сконцентрировав соответствующую группу норм в отдельной главе «О самоубийстве» раздела X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». «Но, — указывал Н. С. Та-

ганцев, — иначе относится к самоубийству наше Уложение, создающее для него даже особенную главу в X разделе...»⁷⁰ В ней предусматривалась ответственность за самоубийство, покушение на него и пособничество ему.

Ответственность за оконченное самоубийство закреплялась в ст. 1472, согласно которой тот, кто причинил себе смерть с намерением и не в безрассудстве, терял право на завещание; а если он принадлежал к одному из христианских вероисповеданий — также лишался христианского погребения.

Вопрос о том, кто вправе был отказать в погребении: администрация, суд или духовное начальство, не был разрешен законом⁷¹.

Статья 1473 устанавливала наказуемость покушения на самоубийство. В соответствии с ней изблеченный в покушении лишиться себя жизни также не в безумии, сумасшествии или временном от какой-либо болезни припадке беспамьяства, когда исполнение его намерения остановлено было посторонними, не зависящими от него обстоятельствами, предавался, если он христианин, церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства.

В обозначенных «постановлениях более всего выразилось различие свода и Уложения. Свод считал это деяние покушением на убийство и облагал каторгой, а Уложение не только отвергло это наказание, но изменило и самый взгляд на него, так как действительно самоубийство и убийство отличаются друг от друга не только по их внутреннему значению, но даже и по юридическому составу»⁷².

⁶⁷ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 422—423 (сноска № 18); Кони А. Ф. Указ. соч. А. В. Лохвицкий указывал, что «это постановление никогда не было исполняемо» (Лохвицкий А. В. Указ. соч. С. 545).

⁶⁸ См.: Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. СПб., 1876. Т. I: Преступления и проступки против личности. С. 254.

⁶⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X—XX вв. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1988. С. 174—310; Свод законов Российской империи. Т. 15.

В 1885 г. состоялось четвертое издание данного Уложения, второе его издание вышло в 1857 г., а третье — в 1866 г. (см.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 189—190).

⁷⁰ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 416.

⁷¹ См.: Неклюдов Н. А. Указ. соч. С. 254.

⁷² Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 434.

Безрассудный от рождения или сумасшедший, покусившийся на свою собственную жизнь, заключался в дом умалишенных, даже и при изъявлении его родителями или родственниками желанья взять на себя обязанности присматривать за ним и лечить его у себя (ст. 95).

И еще. Уложение установило «специальные обстоятельства, извиняющие самоубийство»⁷³, зафиксировав в ст. 1474: «Постановления, в предыдущих (1472 и 1473) статьях означенные, не относятся к случаям, когда кто-либо по великодушному патриотизму подвергнет себя очевидной опасности или прямо верной смерти для сохранения государственной тайны или в других подобных случаях, а равно, если женщина лишит или покусится лишить себя жизни для спасения целомудрия и чести своей от грозившего ей и никакими другими средствами неотвратимого насилия».

Очевидно, российское уголовное законодательство с 1845 г., учреждая за самоубийство духовные и гражданские, однако не криминальные в собственном смысле меры ответственности, с одной стороны, фактически устранило наказуемость самоубийства, а с другой — сохраняло норму о нем в уголовном законе. Справедливо было замечено Н. С. Таганцевым, что с 1845 г. наше право смотрит на самоубийство «преимущественно с религиозной точки зрения, хотя и проводит свой взгляд далеко непоследовательно»⁷⁴.

Уложение 1845 г., несмотря на внесенные законодательные корректировки, связанные с либеральными экономическими, политическими, судебными и другими реформами, явно не отвечало новым вызовам времени и давно уже требовало замены⁷⁵.

Николай II 22 марта 1903 г. утвердил проект нового, выделявшегося высоким научным уровнем и техническим совершенством Уголовного уложения⁷⁶, фундаментального нормативного акта России в области материального уголовного права. С его принятием завершился эволюционный этап развития уголовного законодательства России.

Названный документ представлял собой компромисс между помещиками и буржуазией, он во многом выражал идеи и принципы буржуазного права. Известный российский правовед Н. Н. Полянский подчеркивал: «Уложение 1903 года было вполне благопристойным по форме, европейским по проявленной в нем законодательной технике и в то же время не только не уступало Уложению о наказаниях 1845 г., но, напротив, превосходило его широтой охвата всех возможных форм обнаружения враждебного правительству настроения»⁷⁷.

В XVIII — в начале XX в. в России проблема самоубийств вызвала значительный социальный, политический, философский и юридический резонанс. Многие дореволюционные криминалисты России выступили против наказуемости самоубийства, полагали неправильным и несправедливым преследование самоубийц.

Например, П. Д. Калмыков утверждал, что все меры, принимаемые после смерти самоубийцы, касаются только его близких, которые в этом поступке невинны, а «поэтому репрессивные в сем отношении постановления уголовных законодательств можно оправдать только намерением устрашить других, чтобы другие лица не следовали примеру самоубийцы»⁷⁸.

⁷³ Набоков В. Д. Элементарный учебник Особенной части русского уголовного права. СПб., 1903. Вып. 1. Кн. 1—2. С. 13.

⁷⁴ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 423.

⁷⁵ На это указывал и Н. С. Таганцев, как никто другой досконально изучивший «грехи» этого акта. Подробно об этом см.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 193—197.

⁷⁶ Уголовное уложение 1903 г. Приложение к «Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г.». Отд. 1, ст. 416 // Российское законодательство X—XX веков. Т. 9 / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1994. С. 271—320.

⁷⁷ Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958. С. 9.

⁷⁸ Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1866. С. 460.

В. Д. Набоков считал, что «самоубийство не есть преступное деяние... наказание мертвого — юридический абсурд»⁷⁹.

Противниками наказуемости самоубийства были и другие юристы⁸⁰.

В 1877 г. высшая судебная инстанция России определяет, что поскольку «судить самоубийство в уголовном порядке нельзя, то и вопрос о действительности или недействительности оставленного самоубийцей духовного завещания должен подлежать обсуждению суда гражданского, а не уголовного»⁸¹.

Обстоятельная критика со стороны названных и других исследователей, в результате стараний которых⁸² и был поставлен вопрос о декриминализации самоубийства, возымела свое действие. Уложение 1903 г. не придало криминального значения самоубийству и покушению на него.

Однако данный уголовный закон только в небольшой своей части вступил в силу, в 1904—1911 гг. в действие были введены лишь его главы об ответственности за государственные и религиозные преступления и свыше 20 статей других глав. По этой причине он оказался «в своих существенных постановлениях лишь “бескрылым желанием” для юристов, жаждавших коренного обновления карательных постановлений. Мысль его составителей о признании самоубийства и покушения на него ненаказуемыми “отцвела, не успевши расцвести”, и суровые меры, подтвержденные Уложением 1885 года,

продолжали подлежать осуществлению до последней революции»⁸³.

Ввиду сказанного не совсем точно утверждение, что «Россия начиная с Уголовного уложения 1903 г. не считала самоубийство преступлением»⁸⁴.

Так, еще в 1915 г. можно было найти, как свидетельствовал 70 лет назад М. Д. Шаргородский, такого рода сообщение: «Вследствие неоднократно уже возникавших недоразумений при погребении самоубийц по православному обряду святейший синод разъяснил, что если самоубийство совершено вследствие известного уже помешательства, то в таком случае духовенство должно удовлетворяться документом, выданным полицией о неимении с ее стороны препятствий к погребению, в прочих же случаях необходимо предварительное судебно-медицинское освидетельствование, через которое было бы удостоверено ненормальное психическое состояние самоубийцы. После судебно-медицинского осмотра, удостоверяющего ненормальность самоубийцы, священники не имеют права отказываться от совершения христианского погребения над самоубийцами и в случае крайнего сомнения должны испрашивать указаний от своего епископа»⁸⁵.

Действие указанных норм продолжалось и после смены общественно-политического строя в октябре 1917 г. в России и установления советской власти. Вплоть до принятия в 1918 г. советских законов в вопросах борьбы с преступ-

⁷⁹ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 14.

⁸⁰ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 42 ; Неклюдов А. Н. Указ. соч. С. 250—251.

⁸¹ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 13—14.

⁸² Н. С. Таганцев входил в состав Особого совещания, образованного в июне 1898 г. в Государственном совете для рассмотрения проекта Уложения 1903 г., и был председателем созданной в ноябре того же года Особой комиссии для составления дополнительных к этому проекту узаконений, то есть согласования с ним всех прочих частей свода законов (см.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 199).

Следует отметить также, что постановке данного вопроса немало поспособствовал своим положением и авторитетом в России и выдающийся русский юрист А. Ф. Кони (см.: Моховиков А. Н. Введение к историко-философскому разделу // Суицидология. Прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. С. 25).

⁸³ Кони А. Ф. Указ. соч.

⁸⁴ Харabet К. В. Некоторые вопросы отклоняющегося (правонарушающего) поведения в книгах Ветхого и Нового Заветов // Российская юстиция. 2008. № 3.

⁸⁵ Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 64.

ностью в уголовном праве разрешалось руководствоваться Уложением в редакции 1885 г., в той его части, в которой оно не было отменено революцией. Оно прекратило свое действие с изданием 30 ноября 1918 г. Декрета (Положения) о народном суде РСФСР⁸⁶.

В первые годы советского периода проблема борьбы с самоубийством разрешалась выпускаемыми советскими органами власти отдельными актами нормативно-правового характера. К примеру, изданный 2 июля 1920 г. по отделу Центра розыска главного управления рабоче-крестьянской милиции приказ требовал от сотрудников милиции о любом отдельном случае самоубийства немедленно уведомлять ближайший следственный или розыскной орган, который и рассматривал происшедшее⁸⁷.

Начиная с 1922 г. отношение к самоубийству в России меняется и ему не придается статус преступления.

В УК РСФСР 1922 г.⁸⁸ — первый в мире социалистический уголовный кодекс⁸⁹ — советский законодатель не считал нужным включать ответственность за самоубийство, предусмотрев ее в ст. 148 лишь за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или заведомо невменяемого лица. Такую позицию закона положительно воспринял А. Ф. Кони, приветствовавший указанную статью⁹⁰.

«Советское уголовное право хотя и рассматривало самоубийство как действие, противо-

речащее социалистической нравственности и морали, — заметил И. Я. Козаченко, — однако исключало уголовное преследование за него, о чем было прямо указано в ст. 148 УК РСФСР 1922 г.»⁹¹

Не возвели в ранг преступления самоубийство и последующие два других советских УК РСФСР — 1926 г.⁹² и 1960 г.⁹³

Современное воплощение эта тенденция некриминализации самоубийства получила и в УК РФ 1996 г.⁹⁴

То, что уголовное законодательство России отказалось от преследования самоубийства, отнюдь не значит, что оно позитивное деяние и что наука уголовного права считает его таковым. Советская и современная российская теория уголовного права последовательно осуждающе относилась и относится к этому зловещему явлению. Так, в свое время А. А. Пионтковский подчеркивал: «Советское уголовное право не считает самоубийство и покушение на самоубийство преступлением. Тем не менее самоубийство с точки зрения социалистической морали — поступок глубоко отрицательный. Оно заслуживает порицания как акт малодушия и трусости»⁹⁵.

В то же время мы не считаем необходимым криминализировать это деяние и находим неприемлемым предложение о введении правового запрета на него, предусмотрев юридическую ответственность за его попытку⁹⁶.

⁸⁶ Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

⁸⁷ Цит. по: Худяков С. С. Указ. соч. С. 172.

⁸⁸ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

⁸⁹ См.: Швеков Г. В. История создания первого советского Уголовного кодекса (УК РСФСР 1922 г.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. С. 3.

⁹⁰ См.: Кони А. Ф. Указ. соч.

⁹¹ Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987. С. 121.

⁹² Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

⁹³ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁹⁴ Уголовный кодекс РФ 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁹⁵ Пионтковский А. А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М., 1938. С. 36. См. также: Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 66 ; Советское уголовное право. Часть Особенная / под ред. Н. И. Загородникова, М. И. Якубовича, В. А. Владимировой. М., 1965. С. 168 ; Уголовное право. Часть Особенная / под ред. Б. В. Здравомыслова, С. Г. Келиной, Ш. С. Рашковской, М. А. Шнейдера. М., 1966. С. 161 ; Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 233 ; Бороздин С. В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 21.

⁹⁶ См.: Лапшин В. Е. Смерть как правовое явление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 9.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеев В. А., Авдеева Е. В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права // Lex russica. — 2018. — № 10. — С. 157—164.
2. Байков В. А. Квалифицированные виды убийств: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 24 с.
3. Бородин С. В. Преступления против жизни. — СПб., 2003. — 467 с.
4. Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. — М., 2010. — 248 с.
5. Бояров С. А. Теория и практика «простого убийства» : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. — 207 с.
6. Кабурнеев Э. В. Развитие законодательства об ответственности за убийство // Журнал российского права. — 2008. — № 7. — С. 99—106.
7. Кабурнеев Э. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008. — 343 с.
8. Лапшин В. Е. Смерть как правовое явление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2005. — 21 с.
9. Лунева А. В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 27 с.
10. Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. — М., 2013. — 336с.
11. Харабет К. В. Некоторые вопросы отклоняющегося (правонарушающего) поведения в книгах Ветхого и Нового Заветов // Российская юстиция. — 2008. — № 3. — С. 67—72.
12. Худяков С. С. Доведение до самоубийства: история развития отечественного уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. — 2009. — № 3. — С. 169—174.

Материал поступил в редакцию 26 декабря 2018 г.

**CRIMINAL LAW REGULATION OF LIABILITY FOR SUICIDE
IN THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION: THE PAST AND PRESENT**

Vakha B. Khatuev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law, Chechen State University
ul. Kievskaya, d. 33, Grozny, Russia, 364031
dogma1982dogma@mail.ru

Abstract. *A suicide means a deliberate and conscious termination of person's life. At the end of 20th — beginning of 21st century, the Russian Federation has experienced an extraordinary increase in the number of suicides. Human life is the most important, priceless good of permanent universal value, the loss of which is irreversible and irreparable. Human life is the highest social value protected by law. Article 20 of the Constitution of the Russian Federation proclaims: "Everyone has the right to life." This right is natural and inalienable, and it remains valid until the death of a human being.*

However, the constitutional right to life does not necessarily mean that a person has the right to death. The Russian Constitution does not recognize the right to death.

Suicide is condemned by the society, religion and the State. To this end, the actual problem is the problem of punishability of suicide, particularly the possibility of imposing criminal punishment, the attitude towards which in Russia has historically been changeable.

The paper deals with the development of the Russian criminal legislation regulating responsibility for suicide. The rules establishing responsibility for suicide in different historical periods are subject to detailed scrutiny.

It has been determined that in Russia there is a centuries-old tradition not to criminalize suicide. The author has concluded that it is expedient to research the issue under consideration in the future.

Keywords: *suicide, attempted suicide, criminal legislation, history, criminalization, decriminalization.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeev V. A., Avdeeva E. V. Mekhanizm ugovolno-pravovogo regulirovaniya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya v istorii rossijskogo prava // Lex russica. — 2018. — № 10. — S. 157—164.
2. Bajkov V. A. Kvalificirovannye vidy ubijstv: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problemy : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2003. — 24 s.
3. Borodin S. V. Prestupleniya protiv zhizni. — SPb., 2003. — 467 s.
4. Bojko A. I. Nravstvenno-religioznye osnovy ugovolnogo prava. — M., 2010. — 248 s.
5. Boyarov S. A. Teoriya i praktika «prostogo ubijstva» : dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2003. — 207 s.
6. Kaburneev E. V. Razvitie zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za ubijstvo // Zhurnal rossijskogo prava. — 2008. — № 7. — S. 99—106.
7. Kaburneev E. V. Differenciatsiya ugovolnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni po ugovolnomu pravu Rossii : dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2008. — 343 s.
8. Lapshin V. E. Smert' kak pravovoe yavlenie : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Vladimir, 2005. — 21 s.
9. Luneva A. V. Ugolvnaya otvetstvennost' za detoubijstvo: problemy teorii i pravoprimeneniya : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2013. — 27 s.
10. Mironov B. N. Strasti po revolyucii. Nravny v rossijskoj istoriografii v vek informacii. — M., 2013. — 336s.
11. Harabet K. V. Nekotorye voprosy otklonyayushchegosya (pravonarushayushchego) povedeniya v knigah Vethogo i Novogo Zavetov // Rossijskaya yusticiya. — 2008. — № 3. — S. 67—72.
12. Hudyakov S. S. Dovedenie do samoubijstva: istoriya razvitiya otechestvennogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. — 2009. — № 3. — S. 169—174.